

«ЗВЕЗДЫ»

Люди, не слишком сведущие в вокальном искусстве, вольно или невольно ставят порой что-то вроде знака равенства между певцом и его голосовыми данными. Чуть ли не отождествляют одно с другим. Споры нет, голос для вокалиста — начало начал. И все же талант певца представляет собой нечто неизмеримо более сложное и таинственное, нежели только голосовые связи. Внешние данные, сценичность, темперамент, дар перевоплощения — кто скажет, что в этом перечне (который можно бы и продолжить) более важно, а что менее? Без чего можно обойтись, а без чего никак! Ясно одно: чем богаче и многообразнее комплекс природных способностей артиста, тем лучше. А теперь — о Владимире Атлантове...

В ПРЕДЧУВСТВИИ ЗАМЫСЛА

Прежде всего у него великолепный голос — сильный, звонкий, упругий, одинаково красивый и выровненный в различных регистрах. Критика пишет о его «бронзовом тембре», ассоциирует с «раскаленным металлом» — и эти сравнения не вызывают ни малейших возражений. С наибольшим блеском певческая природа Атлантова раскрывается в партиях Хозе («Кармен» Бизе), Германа («Пиковая дама» Чайковского), Каварадосси («Тоска» Пуччини), Отелло (одноименная опера Верди), Канио («Паяцы» Леонкавалло). Эти роли, бесспорно, среди наивысших творческих удач артиста: не случайно они отмечают главные этапы его сценической биографии.

Но не только специфика голосовых данных предопределяет успехи Атлантова в перечисленных образах. В них наиболее полно сказывается его характер — человека и артиста; наиболее органично выражает себя его натура — сильная, мужественная, волевая. Те, кто знаком с искусством Атлантова, знают, что убедительнее всего он выглядит в драматических ситуациях, где само сценическое действие требует напряженного накала эмоций, внутренней экзальтации, крутых всплесков страстей. Есть, разумеется, в репертуаре Атлантова и лирические партии — Ленский («Евгений Онегин» Чайковского), Альфред («Травиата» Верди). Но не они все же определяют его подлинное амплуа.

Карьера оперного певца началась у Атлантова просто и естественно — без тех случайностей и курьезных поворотов судьбы, которые нередки в артистических биографиях. Он родился в Ленинграде, в музыкальной семье; его мать была одной из ведущих певиц Кировского театра; в свое время она выступала вместе с Шаляпиным и другими знаменитостями начала века. С детских лет Атлантов, как говорится, дышал воздухом театра. Кем быть, какой путь избрать — такой дилеммы перед ним, собственно, не возникало. Он сам говорит, что жизнь его с ранней юности «была предопределена».

Получив отличное образование в Ленинградском хоровом училище имени Глинки, потом в

консерватории, он быстрым и твердым шагом пошел вперед. Вначале родители, а затем учителя приобщили его к высокой музыкальной культуре, сформировали широкий профессиональный кругозор, чем, как известно, могут похвастаться далеко не все обладатели звучных голосов. Уже с первых же публичных выступлений Атлантова в его исполнительском стиле, манере, облике ощущалась какая-то особая интеллигентность — свойство поистине золотое для людей его профессии. Возможно, здесь одна из причин его дальнейших побед на международных музыкальных конкурсах, его блистательного артистического взлета вообще...

И еще одно в решающей мере содействовало его успехам — умение работать. Умение в чем-то унаследованное, но в основном развитое и отшлифованное им самим. Он всегда отдавал предпочтение трудным, неизведанным путям в творчестве, сторонясь всего привычного, заранее гарантированного, опробованного им прежде. Во время работы, разучивая новые партии, осваивая новые сферы образности, он живет сложной и напряженной внутренней жизнью, когда нелегко предугадать, что впереди, когда надежды и творческие радости поминутно перемежаются сомнениями и разочарованиями. Как и каждый по-настоящему талантливый художник, он обладает высокоразвитой интуицией — верит ей, полагается на нее, чутко прислушивается к ее подсказкам и зовам... Однажды в разговоре я спросил Атлантова, в какой мере его предварительные задумки и замыслы совпадают с конкретными результатами, достигаемыми в итоге работы над музыкальными произведениями. Он ответил:

— Творчество артиста, как вы понимаете, — это живой процесс, в котором часто происходят неожиданные, труднообъяснимые вещи. Именно поэтому многое из того, что задумывается до начала работы или на первом ее этапе, впоследствии меняется. Что? Как? Почему? — далеко не всегда можно ответить на эти вопросы. Очевидно, уже в ходе работы возникают какие-то новые ощущения, представления, которых ранее не было и которые в той или иной мере изменяют творческие планы.

МИРОВОЙ ОПЕРЫ

В то же время терять из виду конечный результат — то, к чему идешь, — нельзя. Серьезный, требовательный художник не допустит этого.

— А что, Владимир Андреевич, внутреннее видение — «к чему идешь» — возникает уже в самом начале работы? Или где-то позднее? Вы «априори» представляете себе, что получится в конечном счете, или исполнительская картина складывается в вашем сознании постепенно?

— В общих чертах будущую трактовку обычно представляешь уже на начальной стадии работы. Идея интерпретации — именно идея! — бывает ясна уже с первых шагов. Этим-то профессионал и отличается от непрофессионала: он знает, какие требования предъявляет тот или иной материал, знает, что должно получиться. Опыт есть опыт...

Но, как я уже говорил, конкретные пути приближения к творческой цели всегда непредсказуемы. Метаморфозы на этом пути — тоже. Всего этого предугадать невозможно; ни опыт, ни профессионализм тут не помогут. К счастью, добавлю я...

Как и каждый знаменитый артист, Атлантов часто слышит восторженные отзывы о своем искусстве; в этом ему не отказывают ни музыкальные критики, ни многочисленные почитатели его таланта. Он, однако, никогда особенно не доверял лестным для себя высказываниям, не слишком внимательно вслушивался в медоточивые речи. И не только потому, что знал — неумеренное словесное может дезориентировать, ввести в заблуждение, оказать недобрую услугу. В Атлантове (и это главное!) постоянно живет какое-то внутреннее беспокойство, неудовлетворенность — независимо от того, расточаются ему комплименты или нет. Возможно, причина в том, что он всегда опасался в чем-то оказаться «не на уровне». А «уровень» этот, учтем, уже с начала шестидесятих годов был достаточно высок, в последние же десять — пятнадцать лет особенно. Творческое самлюбие, гордость за то, что демонстрируешь на сцене, — не последнее по важности качество для людей искусства. И Атлантова, скажем откровенно, в отсутствии его не упрекнуешь...

— В молодости, когда мне было что-то около 19–20 лет, я впервые услышал, что у меня незаурядный голос, хорошие сценические данные

и т. д. Думаете, мне стало легче от этих похвал? Ничуть. Скорее, наоборот. Во мне стала расти тревога — смогу ли я оправдать то, чем наделила меня природа, достигну ли тех рубежей, которых обязан достигнуть? Ведь самое плохое, когда о человеке говорят: да, голос-то у него отличный, но... но этим все его достоинства и исчерпываются.

Голос для вокалиста, а бы сказал, это своего рода стержень, вокруг которого должно быть сконцентрировано много всего другого. И от обладателя голоса, даже самого прекрасного, до настоящего Художника — дистанция огромного размера. Чтобы преодолеть ее, артисту нужно непрерывно что-то искать, пробовать, терять, находить. Верить в себя, сомневаться... И, конечно, много, адски много работать. Когда случается, я обираюсь мысленно назад, ничего, кроме этого, в своей жизни я не вижу.

— Мне кажется, Владимир Андреевич, именно для того, кто ведет такой напряженный, изматывающий образ жизни, похвала особенно необходима. Как своего рода психологический допинг...

— Конечно, она может поддержать, обрадовать, окрылить. Но обычно ненадолго, очень ненадолго. И, наверное, это в порядке вещей. Когда возвращаешься на длительное время к работе, к зстойному душевному состоянию — это нехорошо. Ненормально, если хочите. Все в человеке должно быть в движении, в процессе.

К сожалению, явления застоя в душевной жизни артиста не такая уж редкость. Особенно когда все это идет от самозащиты и чрезмерной уверенности в себе. Представляете, постоянная и непоколебимая уверенность в том, что делаешь? Поэтому, есть в этом что-то неестественное. Во всяком случае, в моей профессии...

Когда-то Вл. И. Немирович-Данченко, отвечая О. Л. Книппер-Чеховой, которая жаловалась ему, что «трусит» перед выходом на сцену, писал: «...Наоборот, радоваться (надо), что еще умеете трустить... Это просто глубоко в душе лежащее сознание громадности Вашего дела... Все большие актеры труслили до глубокой старости». Вл. И. Немирович-Данченко к этому добавлял, что не боится сцены только тот, кто «привык мастерить, а не творить»... Если затронуть эту проблему в разговоре с Атлантовым, можно услышать от него, что сегодня он волнуется перед спектаклями даже больше, чем раньше, когда только еще начинал петь. Это с одной стороны. С другой же, реальные «потери» от злнения теперь значительно снизились — сказываются все-таки опыты, и

техника, и знание сценического ремесла. Таков любопытный парадокс, с которым сталкиваешься зачастую в практике крупных мастеров: страхи перед публичными выступлениями с годами возрастают, однако негативные последствия их, напротив, уменьшаются, сводятся к минимуму...

— К волнению привыкнуть нельзя. Можно привыкнуть к успеху, к аплодисментам, к восторгам публики, к хвалебным рецензиям, к чему угодно, — но не к волнению. Поверьте, даже располагая солидным опытом выступлений, я выхожу на сцену каждый раз словно бы впервые. И сколько бы я ни пел, так оно и будет. Не знаю, может быть, это и неплохо? Может быть, именно это и позволяет профессиональному артисту сохранять свежесть переживаний, теплоту эмоционального тона?

Конечно, есть вещи, с которыми я выступал так часто, что это уже само по себе придает мне уверенность. Например, партия Отелло. Или Хозе. Но как бы уверенно я ни чувствовал себя в профессиональном отношении, это не мешает мне чисто по-человечески волноваться и переживать.

— Как по-вашему, Владимир Андреевич, природная смелость имеет тут значение? Смелость в обычном, житейском понимании слова?

— А что понимать под смелостью? Умение преодолеть себя? Побороть свою природу? Да, такая смелость нужна. Но в бесстрашии как таковом я не очень-то верю. Если человеку безразлично, что и как он делает, если он творит, ищет, старается взлететь на новые высоты, он обязательно будет волноваться.

Атлантова многое тревожит в сегодняшнем оперном театре. Сам факт, что существуют какие-то проблемы, рассуждает он, вполне понятен и объясним: проблемы в театре были всегда. Даже в лучшие его времена. В чем они, эти проблемы — вот главное... Серьезное беспокойство, например, вызывает у него состояние дел с нынешней творческой сменой — на оперной сцене вообще, и в прославленном ГАБТе в частности:

— Не могу оставаться равнодушным, когда вижу у начинающих певцов легкомысленное, поверхностное отношение к своей профессии в сочетании с амбициозностью и открытым зазнайством. Отсюда, понятно, и результат: снижение качества критерия на сегодняшней оперной сцене. Страдают не только певцы, для которых все это кончается творческим фиаско, но и театр. А это хуже всего.

Чтобы наше искусство продолжало занимать достойное место в ряду других искусств, ни в коем случае нельзя допускать снижения требований к вокально-сценическому мастерству. Должен существовать определенный, качественный уровень: подняться выше его — честь для артиста, опуститься ниже нельзя ни при каких обстоятельствах. Надо же понять в конце концов: если каждое новое поколение в оперном искусстве будет хотя бы ненамного уступать предыдущему, делать небольшой шаг вспять, дела у нас пойдут все хуже и хуже. И чем же все это кончится?.. Конечно, общие рассуждения и декларативные призывы мало чем помогут, если каждый из нас, от дебютанта до ветерана сцены, не проникнется персональной ответственностью за себя самого. Ведь стыдно плохо делать свое дело — стыдно перед окружающими, перед товарищами по театру. Как же можно, если ты артист, чтобы тебя не уважали?!

Скажу о себе: я всегда стремился и стремлюсь к чему-то большому, творчески значительному. Может быть, даже превосходящему мои творческие силы и возможности. Очень важно ставить перед собой высокие и труднореализуемые цели. Это тот стимул, который заставляет человека полностью отдаваться делу и работать, не снижая темпов...

В наше время певец, если он принадлежит к мастеру экстра-класса, непременно пользуется широкой международной известностью и признанием. Взглянув на гастрольную афишу Атлантова, нетрудно заметить, что он частый гость на сценах прославленных зарубежных театров, где выступает в ансамбле с самыми яркими «звездами» мирового искусства. Всего, разумеется, не перечислить, однако, если обратиться к сравнительно недавнему времени, нельзя не напомнить о его гастрольях в Парме («Кармен» и «Паяцы»), Мюнхене («Пиковая дама», «Паяцы», «Кармен»), Штутгарте («Отелло»), Мадриде («Борис Годунов»).... Большой резонанс у любителей музыки вызвала постановка театром «Арена ди Верона» оперы «Отелло» с Атлантовым, Кири Те Канава и Пьетро Каппуччили, показанная недавно по советскому телевидению.

Но главное, конечно, не в перечне работ Атлантова, не в арифметическом подсчете сделанного им на советской и зарубежной сцене. Главное, на любом спектакле с его участием, будь то у нас в стране или за рубежом, всегда аншлаги. И это всегда событие — яркое, значительное, вызывающее живой общественный интерес. Именно это свидетельствует вернее всего о том почетном месте, которое принадлежит певцу в мировом музыкальном искусстве.

Геннадий ЦЫПИН.

● Народный артист СССР В. Атлантов.

Фото Б. Вдовенко.